

НЕВЕСТА СОЛНЦА

*Саамские
сказки*

ПОЧЕМУ ОЛЕНИ ЖИВУТ ОТДЕЛЬНО ОТ ЛЮДЕЙ

Ливёт в старинном саамском селе бабушка. На лето внуки к ней приезжают. За день набегаются, а вечером просят:

— Бабушка, расскажи нам, как раньше было.

— Ну, слушайте, — улыбается бабушка. — Жили мы в маленьких погостах, так раньше наши деревни назывались. Всего несколько семей в таком погосте. Домики были маленькие, бревенчатые — тупы. В одном углу деревянные нары с оленьими шкурами, в другом — камелёк, немного на камин похожий. На нём пищу готовили. Много тепла такой камелёк не давал, а комнатка малюсенькая была. Верхнюю одежду в холодных сенях оставляли, она вся из оленьего меха шита, в холоде лучше сохранялась.

Расскажу я вам старую сказку. А может, и вправду так было. На реке Поное, недалеко от погоста Чальмны-Варрэ, когда сходит большая вода, открываются дивные камни. Я совсем маленькой девочкой была, когда мы в том погосте жили. А рисунки на тех камнях хорошо помню, любила их разглядывать. Там олени быстроногие, саамские красавицы с оленятами, нойды — колдуны саамские.

Так вот, жила в лесной стороне семья саамская. А саамы раньше везде жили: кто в лесной стороне, кто в морской, а кто в горной. А это была семья лесных саамов. Старик со старухой да три дочери-красавицы. Развела однажды утром старушка огонь в камельке, только котёл подвесила, вдруг слышит за стеной тупы Ворон крыльями хлопает. Стала старушка мужа будить:

— Вставай, старик! Гость пришёл.

Тут в вежу Ворон вошёл. Как порог переступил, в человека превратился. Красивый это был человек, глаза чёрные, волосы чёрные. Старик и старуха гостя угощают, беседу ведут. А гость просит младшую дочь в жёны ему отдать. Старуха согласна — жених ладный. А старик порядка держится: старшая дочь первой замуж идти должна. Взял Ворон старшую дочь в жёны.

Немного времени прошло, встала как-то утром старушка, только успела в котёл воды налить, сало положить, в окно глянула, а там Тюлень стоит, лапами в дверь царапается. Будит она старика:

— Ой, старик! Опять к нам гость пришёл!

Тюлень как через порог перевалил — в толстого человека превратился. Посадили его старики на почётное место. Поели-попили, и Тюлень свататься стал, младшую дочь просит в жёны отдать. Тюлень толстый, на вид добрый, старуха и согласна. А старик своего порядка держится: среднюю дочь замуж надо отдать.

Остались они втроём жить. Жили, жили, опять старушка рано утром огонь в камельке заживила, котёл повесила, похлёбку наладила, вышла на солнышко глянуть. А у тупы дикий олень стоит, красавец. Мяндаш ему имя. Она — к старику:

— Вставай, старик, вставай! Гость пришёл, да какой!

Как вошёл в тупу дикий олень, в человека превратился. Да такого умного, да такого красивого, да такого доброго! Старики гостя на почётное место посадили, угощают, беседу ведут. Мяндаш младшую дочь сватает. Старики согласны. Отдали любимую дочь Мяндашу-оленю в жёны.

Стали они вдвоём жить. Жили они, жили и заскучали по дочерям. Старуха и просит старика:

— Пойди, старик, проведай дочек, как они там в чужой стороне.

Пошёл старик к старшей дочери, к вороновой жене, в горную сторону. А в наших горах леса мало — тундра там. Смотрит старик: на горе у сухой сосны вежа стоит, а кругом камни да ветер гуляет. Вокруг вежи ребяташки бегают, крылышки у них как у воронов. Догадался старик,

что это внуки его. Позвал дочь. Вышла она из вороновой вежи, старику рада. Скоро Ворон-зять прилетел. Стал он старика угощать, да невкусной ему воронова еда показалась. И в веже ветер в щели дует. Спать старика на твёрдые ветки положили. Воронята деда пожалели, видят, что ему холодно, сели на него, только тем до утра старик и согревался. Не понравилось ему у Ворона.

Пошёл он дальше, в морскую сторону, среднюю дочь навестить. Шёл, шёл, до моря дошёл. У самой воды вежа стоит, из китовых костей да плавника сложена. А с крыши вежи дети катаются, ластами друг друга хлопают. Догадался старик — то внуки его, тюленята. Стал дочь звать. Выбежала она из вежи, встретила ласково. Пришёл и зять Тюлень. Стал он угощать старика вяленой рыбой да жиром зверя морского. А как спать старик собрался, ему в угол морской травы бросили да тюленьей шкурой укрыться дали. Жёстко было спать старику, да и от тюленьей шкуры тепла мало. Не понравилось старику тюленьё житьё.

Пошёл старик дальше, искать, где Мяндаш, дикий олень, живёт. Поднялся на горушку, смотрит, у края неба леса синеют. Пошёл он в ту сторону. Дошёл до леса, а там земля вся ягелем, как белым ковром, укрыта. Речка по камням бежит, по порогам шумит. Вода в ней чистая, вкусная. А на берегу большая вежа стоит, мхом да оленьими шкурами укрытая. Вокруг неё детки бегают, а на головах у них рожки олени. Догадался старик, что оленята те — внуки его. Тут и младшая дочь из вежи вышла. Старик на неё смотрит, налюбоваться не может. Платье на ней синее, красным узором да серебром расшито. Оленята к старику подбежали. «Дедушка пришёл,— кричат,— дедушка пришёл!» Повела дочь отца в вежу, усадила на почётное место, на тёплые олени шкуры. Тут и зять Олень пришёл. На вольном воздухе он олень, а как в дом вошёл, человеком стал. Старик и Мяндаш друг другу руки на плечи положили — поздоровались. Стала дочь старика угощать мясом свежим да салом, тонко нарезанным. А время спать пришло, старика на оленью постель положили, оленьей шкурой укрыться дали.

Наутро спрашивает зять Олень старика, как понравилось ему в оленьей веже. А старик ему отвечает:

— Сыт я был, на мягкой постели спал, тёплой шкурой укрывался.

Нравится старику у младшей дочери. Остался погостить. Пожил, пожил и заскучал он по своей старухе. Мяндашу жалко старика стало, он ему и говорит:

— Пойди, старик, старуху приведи, вежа большая, всем места хватит.

Пошёл старик в свою сторону. «Вот,— думает,— заживём теперь хорошо, будет теперь кому за нами на старости доглядеть».

Добрался старик до своего жилья. Старуха рада. Стал он ей про дочерей рассказывать. Как у старшей дочери в вороновой веже на твёрдых ветках спал, как у средней на морской траве спал да как у младшей дочери больше всего ему понравилось.

— Мяндаш,— говорит старик,— звал нас к себе жить.

Старуха тут же и собираться стала. Пошли они к младшей дочери жить. Идёт старуха, за мизинец мужа держится, потеряться боится. Пришли они и стали в веже у Мяндаша жить. Дочь старикам всё про мужа рассказывает:

— Олень — он без запаса живёт. В тундре для него и зимой и летом еда есть. Любит муж мой, Мяндаш, чтобы и в веже ветер вольный был, как в тундре. Как от шкур кислый запах пойдёт, надо их сразу в речку выбрасывать.

Старуха слушает и про себя думает: «В моей стороне с запасом жили, добро не выбрасывали».

Жили они себе жили. Олень днём в тундру ходил. Жена его рыбу на озёрах промышляла, в лес за грибами и ягодами ходила. Старики дома за малыми ребятами присматривали. Только старухе законы олени совсем не по нраву. Стала она, потихоньку от всех, кислые шкуры на солнышке сушить и в веже прятать. Не стало в веже чистого воздуха. Мяндаш-олень беспокоиться стал. Спрашивает он у своей жены, соблюдает ли она законы, по которым оленю в тундре жить надо. Не знает она,

что ему и ответить. Она законов не нарушает, а муж её, дикий олень, в веже своей дышать не может.

Как-то раз ушли Мяндаш в тундру, а жена за грибами, а старуха шкуры кислые прямо на дверь вежи развесила. Сама же спать легла. Вернулся Олень — в вежу войти не может. Головой трясёт, ноздри раздувает, а порога ему никак не переступить и человеком не стать — мешает ему кислый запах.

— Не жить оленю с людьми! Уйду я навсегда в леса, в тундру, — только сказал Мяндаш эти слова — и дети его в оленей превратились.

Мяндаш прочь от вежи побежал, и дети за ним. Даже самый маленький, что в люльке лежал, вскочил на ножки и тоже следом за братьями.

— Дети мои милые, муж мой любимый, не покидайте меня! — кричит жена Мяндаша.

Отвечают ей дети:

— Не можем мы к тебе вернуться. Дикие мы олени, тундра — наш дом, радость наша — вольный простор!

С той поры человек и олень врозь живут. А на том камне, что на Поное, такой рисунок есть: бежит Мяндаш-олень, за ним стадо оленей, женщина маленького оленёнка на руках держит, а он вырывается, вот-вот за братьями своими кинется.

НЕВЕСТА СОЛНЦА

М дут ребята вечера, знают: бабушка сказку им будет рассказывать. Начинают сами её спрашивать:

— Бабушка, на тех камнях, которые на реке Поное, много рисунков?

— Много-много, на целую зиму про них сказок хватит!— отвечает бабушка.

Художники раньше рисунки на камне выбивали, а потом, чтоб их лучше видно было, охрой красили, а охру находили в тех местах, где теперь руду железную добывают. Оранжевые фигурки хорошо на сером камне видно. А вокруг камней трава зелёная, а один камень так почти всегда в воде. В хорошую погоду небо голубое в реке отражается и будто олени по небу бегут. Про такую красоту люди и сказки складывали.

А на одном камне есть фигура женщины, на лягушку похожая. И в саамских сказках есть женщина-паук, или женщина-лягушка, Ацци. В одной сказке так про неё рассказывается.

Жили старик со старухой да дочь. Семья дружная, каждый своим делом занимался. Старик на охоту ходил, оленей промыслял. Старуха рыбу ловила, шерсть овечью трепала, а дочка, хоть и маленькая была, плела красивые пояса к рубахам.

Как-то раз понадобилась старику берёста, надо было новые короба сделать. Собрался он в лес идти, а старуха ему говорит:

— Не ходи драть берёсту на Руэйн-Вараку.

Варака — это горушка такая, на которой густой лес растёт.

Идёт старик и думает: «Что это старушка меня на такую хорошую горушку не пускает. Там берёзы толстые, берёста хорошая».

Забыл старик, что на Руэйн-Вараке всякая лесная нечисть живет.

«Всё равно, — думает, — пойду туда».

Драл старик берёсту, драл, как вдруг ему на шею Ацци прыгнула. Испугался старик, а она ему:

— Возьми меня, старик, в жёны!

— Есть у меня старушка, — старик ей отвечает.

Но от Ацци не так-то просто избавиться. Вцепилась она в старика своими паучьими лапками.

«Ладно, — думает старик, — возьму её с собой, а там придумаю, как от неё избавиться».

Только зря старик надеялся. Как только он эту злодейку домой принёс, она тут же своих сыновей на подмогу позвала. Сыновей у неё трое да сама Ацци — не справиться старику с этой нечистью. Ацци старикову жену с дочкой в овечий загон жить выгнала, заставила за своих сыновей-бездельников работать.

Аццины дети — один хуже другого. Старший — Кипчульдыш — Обгорелый Пенёк, средний — Иохтсеплоззиш — Лоскутный Воротничок, а младший — Куацкем-Чалмныш, то есть Орлиный Глаз. У него на затылке третий глаз был.

Пока старушка рядом, не чувствовала Ацци себя полноправной хозяйкой. Задумала она её со свету сжить. Каждый день старалась как-нибудь очернить.

Волк оленя задерёт — старушка недосмотрела. Девочка по воду пойдёт — Ацци ей обору потихоньку разматает и сама же на неё наступит. Оборам раньше ноги обматывали, вместо носков носили. Сама Ацци на обору наступит — девочка упадёт, ушибётся, воду прольёт, а злодейка старику говорит:

— Зачем такая мать твоей дочке, оборы ребёнку и то как следует обмотать ленится? Работает плохо, за что её кормить?

Старушка поняла, что Ацци её погубить задумала. А старик совсем трусливый стал, даже не пытается её защитить. Думает бедная мать, как дочка с отцом одна останется. Говорит она дочери:

— Когда меня не станет, пойдёшь к речке Белой. Там стоит камень большой, на человека похожий. Это сейдушко, он добрый, всех несчастных защищает. Он мне улов большой давал, он и тебе поможет.

Отправила как-то Ацци старушкину дочку за морошкой. Вернулась девочка поздно вечером домой, смотрит, нет матери.

Только недолго Ацци спокойно жила. Старушкина дочка такой красивой девушкой стала, глаз не отвести, да к тому же работающая, добрая. Злодейка-мачеха ей с утра столько работы надаёт, что и за год не управиться. А девушка всё успевает сделать, это ей сейдушко помогает, и ещё краше становится. Завидует ей Ацци. Дети у неё уродливые, и сама она на копчёную головешку похожа. Задумала она и девушку сжить со свету.

Догадалась мачеха, что кто-то девушку от её злодейств оберегает. Стала сыновей заставлять за ней следить. Да больно они ленивы. А девушка им в плоски побольше рыбы накладёт, поедят они и спят себе, проснуться не могут.

Ацци у них вечером спрашивает:

— Что девушка целый день делала?

А они в один голос:

— Ничего не видели, ничего не слышали. Ели мы досыта и спали мы досыта.

Тогда Ацци младшему сыну, которого Орлиный Глаз звали, говорит:

— Ты лицом к стене спать ложись, тогда твой третий глазок всё увидит. Он у тебя никогда не спит.

На следующий день Ацци опять наказывает сыновьям за девушкой смотреть. А она, как всегда, рыбы в плоски побольше положила, они поели, попили, спать повалились. Только Орлиный Глаз лёг к стене лицом, как мать учила. Смотрит девушка — уснули братья. Побежала она к речке Белой, к камню, в котором сейдушко жил. Стала

она там с лучами солнца играть, золотое вязанье из его лучей вязать, медовые ягоды есть, а из речки перед ней медовый ручей побежал. Попила девушка из этого ручья и ещё краше стала. Солнце её как увидело, налюбоваться не может. Так на небе и осталось, забыло ночи место уступить. Просит девушку быть его женой. Девушка согласна. А Солнце тут вспомнило, что надо и ночи быть! И на запад подалось.

Всё это Орлиный Глаз и видел. Смотрит на девушку, посмеивается:

— Всё моё,— говорит,— будет, всё моё! И солнце, и ручей, и ягоды.

Рассказал Куацкем-Чалмныш матери всё что видел. Награды ждёт. Но только Ацци сама девушку бояться стала. И сейдушко ей помогает, и Солнцу она невеста. Велела она старику замотать дочь в рогожу и в кережу положить да в речку столкнуть. Кережа — это сани такие, на лодочку похожие. Ацци думала, что вода в кережу быстро наберётся и девушка утонет.

Жалко старику свою дочь, да совсем безвольным он стал. Во всём Ацци слушает. Сделал всё, как она приказала. Вода в реке холодная, а девушке тепло. Это ей всё сейдушко помогает. Плывёт себе кережа по реке. День плывёт, другой, третий... Девушка уж и счёт дням потеряла.

Вот однажды ночь наступила. На небе сполохи заиграли — полярные сияния. В старину сполохов этих побаивались, думали, могут за волосы на небо утащить. Древние саамы считали, что сполохи — это люди, которые раньше на земле жили, а потом на небо переселились.

Вдруг один лучик сполохов стал длинный, до самой кережи опустился. Поднялась девушка по нему наверх. Идёт по небу, смотрит: большая тупа, дом такой деревянный стоит. Вошла в неё — никого нет. Прибралась девушка в тупе, а как ночь на убыль пошла, услышала — кто-то идёт. Обернулась она веретенном и быстро за камелёк спряталась.

Вошли люди, это они ночью сполохами были, и с ними Найнас-Месяц.

— Кто-то в тупе прибрал,— говорит Найнас.— Если ты мужчина, будь нам братом. Если старушка, будь матерью. Если девушка, выбери среди нас себе мужа.

Никто не вышел. Стали они человека искать. За камельком веретено нашли, сломали его, и вышла из веретена девушка. Понравилась она Найнасу.

— Будь моей женой,— просит Месяц.

— Я невеста Солнца,— отвечает ему девушка.

— Как же ты, невеста Солнца, на ночной стороне оказалась?— спрашивает Найнас.

Рассказала ему девушка, что Ацци её погубить задумала за то, что ей сейдушко помогал и что Солнцу она невеста. Найнасу жалко с девушкой расставаться, но делать нечего.

— Тебе,— говорит Найнас,— надо к моей матери Земле вернуться. Тогда ты своего жениха сможешь увидеть. Выйдет мне черёд над землёй светить — я тебя провожу.

Спустилась девушка с Найнасом на землю. Подошли они к большой реке, смотрят, на другом берегу большая вежа стоит.

Это жилище такое из жердей и досок построено, дерном покрытое.

Крикнул Найнас:

— Пригоните ту лодку, на которой грёб Найнас!

Вышла из вежи старушка, пригнала лодку. Увидала Найнаса с девушкой, обрадовалась. «Пришла сердечная родня»,— говорит. Перевезла мать сына с девушкой на другой берег, в вежу провела. А Найнасу девушка ещё больше полюбилась. «Задержу,— думает он,— её у матери в гостях, может, она жениха своего забудет!»

Снял Найнас с себя потихоньку звёздный пояс, так в старину Млечный Путь называли, и накинул его на реппень, через который дым от камелька вытягивает. Девушка глаза поднимет, смотрит: звёзды на небе. Месяц прошёл, второй, а девушка всё у матери Найнаса гостит. Только дымно в веже стало, реппень звёздным поясом прикрыт. Много дыма скопилось, пояс и приподнялся над вежей.

А Солнце только этого и ждало. Оно по всему свету свою невесту искало, только в эту вежу заглянуть не могло. Увидело Солнце свою невесту. А Найнас отдать девушку не хочет. Засветили одновременно Солнце и Месяц на небе, заспорили. Только Месяц рядом с Солнцем совсем бледный стал.

Посмотрела мать-Земля на своего сына Найнаса — не победить ему Солнце. Пожалела старушка сына и говорит девушке:

— Раз Солнце и Месяц не могут спор решить, быть тебе звездой на небе.

И стала девушка утренней звездой. Найнас, утром с неба уходя, на неё любуется; Солнцу черёд на небе светить — тоже с той звездой встречается, налюбоваться не может.

И вы, ребятки, если утром рано встанете, ту звезду увидите.

В обработке
Е. Я. ПАЦИЯ

Для младшего школьного возраста

НЕВЕСТА СОЛНЦА

Редактор Г. П. Бритвина
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор Т. В. Кабанова
Корректор З. М. Лазько

ИБ № 554. Сдано в набор 24.07.85. Подписано в печать 27.03.86.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 16,74.
Уч.-изд. л. 2,58. Тираж 350 000 экз. (1-й завод 1—175 000 экз.).
Заказ 3662. Цена 20 коп. Мурманское книжное издательство, 183626,
г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Республиканская ордена «Знак Почета»
типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета
Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

Н 4803010000-13 25-86
M150(03)-86

Рисунки Валерия Цикоты

